

МИЯМОТО МУСАСИ

КНИГА ПЯТИ КОЛЕЦ

ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО
ТОМАСА КЛИРИ

ЯГЮ МУНЭНОРИ

КНИГА КЛАНА ОБ ИСКУССТВЕ ВОЙНЫ

«СОФИЯ»

2 0 1 2

УДК 796.853.42
ББК 75.716
М91

Перевод с английского Е. Мирошникенко

М91 **Мусаси Миямото.** Книга Пяти Колец. **Ягю Муэнзори.** Книга клана об искусстве войны /
Перев. с япон. Т. Клири. — М.: ООО Издательство «София», 2012. — 176 с., илл.

ISBN 978-5-399-00331-3

В этой книге представлены два важнейших текста средневековой воинской культуры Японии. «Книгу Пяти Колец» написал Миямото Мусаси — легендарный ронин (самурай, не имеющий господина). «Книгу клана об искусстве войны» — Ягю Муэнзори, мастер-мечник, наставник самого сёгуна и глава его тайной службы.

Так же как и автор древнего китайского трактата «Искусство войны» Сунь-цзы, Миямото Мусаси и Ягю Муэнзори говорят об универсальных принципах получения решающего превосходства в конфликтах любого уровня. При этом они достигают вершин осмысления темы исходя из собственного опыта схваток с противником, что делает их тексты поистине уникальными.

Книга знакомит с историей и культурой Японии, дает представление об истоках стойкости японского духа и актуальна для тех, кто готов увидеть в конфликте ресурс своих новых возможностей. И конечно, она будет полезна людям, практикующим боевые искусства.

УДК 796.853.42
ББК 75.716

The illustrated book of five rings / Miyamoto Musashi; translated from the Japanese by Thomas Cleary;
including the book of family traditions on the art of war by Yagyu Munenori.

Copyright © 1993 by Thomas Cleary

Публикуется по соглашению с SHAMBHALA PUBLICATIONS, INC. (P.O. Box 308, Boston, MA 02115, USA)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

ISBN 978-5-399-00331-3

© «София», 2012
© ООО Издательство «София», 2012

Содержание

<i>Предисловие Томаса Клири</i>	7
<i>Введение Томаса Клири</i>	9

Миямото Мусаси

Книга Пяти Колец

<i>Предисловие</i>	21
<i>СВИТОК ЗЕМЛИ</i>	23
<i>СВИТОК ВОДЫ</i>	41
<i>СВИТОК ОГНЯ</i>	65
<i>СВИТОК ВЕТРА</i>	89
<i>СВИТОК ПУСТОТЫ</i>	103
<i>Примечания</i>	105

Ягю Мунэнори

Книга клана об искусстве войны

<i>РАЗЯЩИЙ МЕЧ</i>	108
<i>ЖИВОТВОРЯЩИЙ МЕЧ</i>	139
<i>БЕЗ МЕЧА</i>	161
<i>Примечания</i>	171
<i>Иллюстрации</i>	173

ВВЕДЕНИЕ ТОМАСА КЛИРИ

«Книга Пяти Колец» и «Книга клана об искусстве войны» — два важнейших текста о конфликтах и стратегиях их разрешения в контексте воинской культуры Японии. Написанные отнюдь не только для военных, обе эти книги явно нацелены на символическое отображение процесса борьбы и движения к совершенству во всех сферах и вопросах жизни.

«Книгу Пяти Колец» написал в 1643 году Миямото Мусаси, ни разу не побежденный фехтовальщик, *ронин* (самурай, не имеющий господина) и независимый учитель. «Книга клана об искусстве войны» написана в 1632 году Ягю Мунэнори, победоносным воином, наставником самого *сёгуна* и главой его тайной службы.

Оба автора были профессиональными воинами и принадлежали к древней воинской культуре, которая в конце концов обрела доминирующее положение в японском государстве и обществе. Их книги отражают мировоззрение не только членов правящей военной касты, но и ведущих мастеров остальных

*Доспехи харемаки с накладками из золотых листьев
и красной шнуровкой; период Момояма, XVI столетие*

Доспехи этого типа были более совершенны, чем их предшественники. С одной стороны, они довольно быстро изготавливались, а с другой — форма нагрудника и *кусадзури* (юбки) обеспечивала большую свободу движения. Эти доспехи отличаются ажурными металлическими украшениями, включающими в себя золоченые хризантемы и кожаные вставки, покрытые тонким листовым золотом.

профессий, а также всех людей, которые стремятся к личному совершенству на любом пути.

И «Книга Пяти Колец», и «Книга клана об искусстве войны» написаны на японском языке, тогда как в те времена в среде японской бюрократической, религиозной и интеллектуальной элиты было принято писать на литературном китайском. Более того, японский, на котором писали Миямото Мусаси и Ягю Мунэнори, сравнительно прост и лишен изысков классического придворного языка. Мусаси вообще использовал грубоватый синтаксис и морфологию, отчего его текст кажется несколько несладким. Но при этом исходная простота и нарочитая ясность обеих книг делают их доступными для самой разной публики.

Возвышение и усиление влияния класса самураев в Японии можно проследить на примере эволюции употребления двух терминов, обозначающих представителей этой социальной группы, — *самурай* и *буси*. Слово *самурай* происходит от глагола *сабурай* — «быть личным слугой». Слово *буси* китайского происхождения. Дословно оно означает «воин-дворянин». Слово *самурай* употреблялось представителями других классов, тогда как сами воины называли себя величавым словом *буси*.

Изначально *самураи* были личными слугами знати. Со временем их функции расширились до задач по управлению и охране дворянских поместий — как правило, в то время, когда хозяин в отъезде. В определенный момент самураи стали требовать для себя больше богатств и власти, которые знать считала своими по праву. В конце концов теневое военное правительство *сэгуну*, известное также как *бакфу* (или Военная Ставка), подмяло под себя имперские властные структуры и фактически взяло управление страной в свои руки.

Мусаси и Ягю жили в начале правления третьей Военной Ставки, которое продлилось с начала XVII до середины XIX века. Унаследовав военные традиции своих предшественников, третья Военная Ставка все же в некоторых отношениях заметно от них отличалась.

Правление первой Военной Ставки было установлено на востоке Японии в конце XI века. Она просуществовала почти полторы сотни лет. Воины того времени происходили из благородных семей, оттачивавших свое воинское искусство на протяжении многих поколений, сражаясь с народом *айну*, обитав-

шим на востоке Японии. Поскольку Военная Ставка располагалась в небольшом городе Камакура неподалеку от современного Токио, этот отрезок истории Японии традиционно называется периодом Камакура.

Правление второй Военной Ставки установилось в 1338 году. К этому времени военное сословие выросло и изменилось. Генеалогические связи военачальников с древней аристократией размылись и ослабли. Сёгуны этого периода расположили свою Военную Ставку в Киото, древней императорской столице, и старались привить новой самурайской элите высокую культуру. Данный отрезок истории Японии традиционно называется периодом Асикага или Муромати (по имени окраинного района Киото, где была расположена Военная Ставка).

Для понимания японской истории и культуры важно учитывать, что ни одно правительство никогда не имело контроля над всей страной, вплоть до реставрации Мэйдзи в 1868 году*. Теоретически считалось, что Японией управляет император, но фактически это было совсем не так. Императорский дом всегда являлся всего лишь фишкой в руках могущественных кланов, соперничавших с другими могущественными кланами. Несмотря на то что в теории все признавали ритуальный и политический статус императора, реально его власть распространялась только на небольшую часть территории Японии. Однако это верно не только в отношении императорского дома, но и в отношении военных правительств. Сама природа властной структуры Японии ограничивала и ослабляла могущество сёгунов. Власть Военной Ставки Камакура была отнюдь не абсолютной, а власть Военной Ставки Муромати — тем более. Пятнадцатый и шестнадцатый века отмечены сепаратистскими настроениями, соперничеством между кланами и гражданскими войнами.

В это время, известное как период Сражающихся царств, путь войны был открыт для любого, кто сумел каким-либо способом собрать и вооружить команду воинов. Самураи из низших классов возвышались и свергали самураев из высших классов — Япония погрузилась в хаос. Но лишь в конце XVI века появились лидеры, обладающие достаточной силой и стратегическими навыка-

* Политический переворот с целью укрепления власти императора Муцухито Мэйдзи. Одно из ключевых событий в истории Японии. Рассматривается как буржуазно-демократическая революция, положившая конец феодальным отношениям в японском обществе. — *Прим. перев.*

ми, чтобы предпринимать реальные шаги к объединению страны. В результате деятельности таких лидеров и образовалось правительство третьей Военной Ставки.

В контексте традиционного японского общества основатель третьего сёгуната был выскочкой и узурпатором. Понимая это, он взялся создавать сложнейшую систему сдержек и противовесов, чтобы сделать невозможным повторение той ситуации, которая привела к власти его самого. Новый сёгун вновь перенес столицу на восток Японии — подалее от императорского двора и колыбели древней аристократии, разоружил крестьян и лишил класс самураев многих прав и привилегий, отлучив их от земли и поселив в крепостях. Этот отрезок японской истории традиционно называется периодом Токугавы, по фамилии правившего клана сёгунов, или периодом Эдо, по названию столицы сёгуната (теперь этот город называется Токио).

В период Токугавы Япония была поделена более чем на две сотни княжеств, которые распределялись между князьями-*даймё* в соответствии с их отношением к клану Токугава. Сёгун контролировал князей-*даймё* при помощи целого ряда инструментов: управление браками и наследованием имущества, перераспределение наделов, сложная система заложников и так далее. Кроме того, князья-*даймё* были обязаны численно ограничивать свою дружину, в результате чего в стране появилось множество безработных самураев, которых называли *ронинами*, или странниками*.

Многие самураи, лишившись былых привилегий, стали школьными учителями, врачами или священнослужителями. Другие же продолжали практиковать боевые искусства и обучать им людей. А некоторые подались в разбойники, что со временем (уже под конец периода Токугавы) переросло в одну из серьезнейших социальных проблем. Определенные прикладные и философские различия между «Книгой Пяти Колец» и «Книгой клана об искусстве войны» обусловлены как раз тем фактом, что Миямото Мусаси был самураем без хозяина, профессиональным фехтовальщиком и независимым преподавателем боевых искусств, тогда как Ягю Мунэнори — прославленным воином, служившим центральному военному правительству.

* *Ронин* — буквально «человек-волна», иными словами «перекати-поле». — *Прим. перев.*

Книга Пяти Колец

Так принято переводить название классической книги Миямото Мусаси, хотя точнее было бы написать «Книга пяти сфер». Данный труд посвящен искусству войны как сугубо прагматичному делу. Мусаси порицает пустую показуху и рекламные трюки в боевых искусствах, сосредоточивая свое внимание на психологических и физических аспектах смертоносной атаки, направленной на решительную победу, в которой он видит основную цель и смысл боевых действий. Хотя его тщательно просчитанная агрессивность и абсолютная беспощадность не свойственны всем японским школам боевых искусств, тем не менее этот подход можно назвать ключевой характеристикой определенного типа воинов-самураев.

О подвигах Миямото Мусаси ходит множество легенд, но достоверных данных о его жизни довольно мало. Основным источником исторической информации является то, что он рассказывает сам о себе в «Книге Пяти Колец». Впервые Мусаси убил человека в возрасте тринадцати лет, а в последний раз — в возрасте двадцати девяти. В какой-то момент он, по-видимому, перестал пользоваться настоящим мечом, но тем не менее продолжал наносить своим противникам смертельные травмы до конца боевой карьеры.

Последние три десятилетия жизни Мусаси посвятил оттачиванию и преподаванию своего воинского мастерства. Ходят слухи, что он никогда не расчесывал волосы, не принимал ванну, не женился, не обзавелся домом и не воспитывал детей. Хотя Мусаси занимался также и светскими искусствами — и советовал это делать всем, все же в целом он всю жизнь шел путем воина-аскета.

Рожденный в период раздоров, выросший среди смертельных битв и в итоге ставший свидетелем установления мира и создания государства, подобно которому никогда прежде не было в его стране, Миямото Мусаси отринул обычную мирскую жизнь, чтобы воплотить в себе и передать ученикам два важнейших принципа древней воинской и стратегической традиции.

Первый из этих базовых принципов состоит в том, чтобы сохранять внутреннее спокойствие и ясность осознания даже посреди самого чудовищного хаоса. Второй — помнить о возможности беспорядка даже во времена порядка. Как воин двух очень разных миров — мира, где бушевала война, и мира,

где воцарились закон и благоденствие, — Мусаси был просто обязан уделять пристальнейшее внимание обоим этим фундаментальным аспектам воинского пути. И он отдавался своему делу с такой осознанностью и страстью, которые едва ли можно превзойти.

Книга клана об искусстве войны

Жизнь Ягю Мунэнори (1571–1646) разительно отличается от жизни Миямото Мусаси, несмотря на то что они оба были профессиональными воинами и жили в одно время. Ягю обучался воинскому искусству у своего отца. В 1601 году, когда ему самому едва исполнилось тридцать лет, он стал учителем Токугавы Хидетады. Два года спустя к власти пришла Военная Ставка Токугавы, а в 1605 году Хидетада сделался вторым сёгуном этой династии. А Ягю Мунэнори официально стал *сёгунке хейхо сиханом* — преподавателем боевых искусств семьи сёгунов.

Впоследствии Ягю отличился в боях в беспокойные первые годы правления новой Военной Ставки. Известен случай, когда сёгун попал в засаду и Ягю лично зарубил своим «разящим мечом» семерых нападавших. Все больше и больше князей-*даймё* и их родственников стремились вступить в «Новую тень» — школу боевых искусств Ягю, который стал прославленным мастером боя на мечях.

Несмотря на столь успешную военную карьеру, Ягю пишет, что до пятидесяти с лишним лет не понимал глубинного смысла боевых искусств. Следует заметить, что подобным же образом высказывался и Миямото Мусаси, который еще в ранней молодости приобрел репутацию непобедимого воина. Как и Мусаси, Ягю написал книгу уже на склоне лет, после долгих размышлений о своем опыте.

«Книга клана об искусстве войны» была закончена в 1632 году, и в этом же году Ягю Мунэнори назначили главой тайной службы. При правительстве Токугавы тайная служба занималась надзором за прямыми вассалами клана Токугавы, охраной безопасности замка в Эдо, надзором над работой низших государственных чиновников, обеспечением безопасности во время официальных

Цуба работы Хата Нобуёси, около 1880 года

Эта живописная цуба, или гарда меча, изготовлена из железа (окрашенного, с золотой инкрустацией). На цубе изображено буддистское божество с ритуальным предметом для метания молний в руке. Из дополнительного отверстия для ношения кинжала выглядывает *они*, или демон.

церемоний, персональной защитой сёгуна и участием в работе высшего суда. Таким образом, книга Ягю Мунэнори — плод намного более высокоразвитого в социальном и политическом плане сознания, чем книга Миямото Мусаси.

«Книга клана об искусстве войны» состоит из трех основных свитков: «Разящий меч», «Животворящий меч» и «Без меча». Эти дзэн-буддистские термины применимы к жизни самурая как в военное, так и в мирное время. Разящий меч символизирует использование силы для прекращения беспорядков и насилия, животворящий меч — способность предвидеть надвигающиеся проблемы и предотвращать их, а без меча — умение в полной мере использовать ресурсы окружающего пространства.

Дзэн и боевые искусства

Книга Ягю Мунэнори содержит в себе сравнительно много материала, почерпнутого из дзэн-буддистских источников, указывая на точки соприкосновения дзэн и боевых искусств. Между тем сам Ягю Мунэнори подчеркивает, что предложенные им параллели между дзэн и боевыми искусствами приближительны и несовершенны и что он не является мастером дзэн.

Буддисты начали предпринимать попытки привить воинам культуру и образование с тех самых пор, как самураи захватили власть в Японии — задолго до рождения Миямото Мусаси и Ягю Мунэнори. Но это отнюдь не означает, что им действительно удалось направить воинскую касту в целом на путь буддистского просветления или даже просто внедрить дзэн-буддистский дух в сознание самураев. Одна из существенных причин такой ситуации заключалась в том, что буддистам хватало хлопот и помимо просвещения самураев — они должны были исправлять последствия бесчинств, творимых последними. Буддистам приходилось хоронить погибших, подбирать и воспитывать многочисленных детей, осиротевших в результате войн и нищеты или выброшенных из дома как незаконнорожденных, и давать приют брошенным или страдающим от побоев женам.

Поэтому, рассматривая взаимоотношения последователей дзэн и сословия самураев, не стоит недооценивать учителя (то есть дзэн-буддизм) лишь на ос-

новании плохой успеваемости учеников (самураи). И если бы воинские искусства действительно считались в Японии наивысшей формой образования, как утверждают некоторые исследователи, тогда мастера дзэн учились бы у воинов, а не наоборот.

Долгое владычество военной касты в Японии было аномалией в общественном развитии, что отражено в противоречиях между установившимся государственным строем и социополитическими идеалами как самой Японии, так и Восточной Азии в целом. Поскольку военное правление навязывалось и поддерживалось силой, военная каста была обречена на попытки переделать под себя социальные и философские идеалы, вместо того чтобы смиренно ориентироваться на оценки и наставления традиционной религии и философии, которым якобы следовали правители.

Мифический китайский лев-караси Кацусики Хокусая, 1844

На протяжении всей своей творческой жизни Хокусай любил изображать караси — львов из китайской мифологии. В Японии караси ассоциировались с военной элитой, но Хокусай изображал их в виде игривых добронравных животных.

Разящий меч

Предисловие

Есть древнее изречение: «Оружие — инструмент зловещий, презираемый Путем Небес. Прибегать к оружию лишь тогда, когда это неизбежно, — вот Путь Небес». Оружие названо инструментом зловещим, поскольку Путь Небес дает жизнь, а следовательно, то, что используется для убийства, воистину зловеще. Вот поэтому здесь и сказано: то, что противоречит Пути Небес, — презираемо.

Между тем далее говорится, что использовать оружие, когда это неизбежно, — тоже Путь Небес. Что это означает? От прикосновения весеннего ветра расцветают цветы и пробуждается зелень, но с приходом осенних заморозков опадают листья и деревья погружаются в сон. Так уж распорядилась природа.

Дело в том, что, по логике вещей, низвергать следует лишь то, что завершено. Порой люди при всяком случае творят зло ради собственной выгоды, но, совершив свое злое дело, получают удар. Вот почему сказано, что использование оружия — тоже Путь Небес.

Порой случается, что из-за злодеяний одного человека страдают многие. В таком случае убийство этого одного станет для них спасением. Разве это не пример, когда «разящий меч есть меч животворящий»?

Использование оружия — целая наука. Если ты попытаешься убить человека, не зная эту науку, то, вполне вероятно, погибнешь сам.

Размышляя о боевых искусствах, мы обращаем внимание вот на что: когда речь идет о поединке двух мечников, то здесь есть всего один победитель и один побежденный. Это боевое искусство совсем маленького масштаба — где выигрыш или проигрыш ничтожен.

Если же от победы одного человека в выигрыше оказывается целая страна или же целая страна терпит потери от поражения одного человека — это боевое искусство большого масштаба. Здесь «один человек» — полководец, а «страна» — войска. Войска — руки и ноги полководца. Хорошо управлять войском для полководца — все равно что хорошо владеть руками и ногами. А если войско не действует слаженно, это как если бы у полководца отказали руки и ноги.

Подобно тому как человек, который вступает в схватку с двумя мечами, старается максимально реализовать потенциал своего оружия, искусно используя руки и ноги, так и боевое искусство полководца состоит в том, чтобы эффективно задействовать имеющиеся у него войска и искусно разработать стратегию, обеспечивающую победу в войне.

Более того, хотя, вне всяких сомнений, победа или поражение определяют на поле боя, в ходе столкновения двух армий, — но вначале полководец сталкивает боевые подразделения в своей груди, мысленно бросая войска в атаку. Это — искусство войны умов.

Не забывать о смутах в благополучное время — искусство войны. Отчетливо видеть текущее положение дел, предчувствовать проблемы и успокаивать волнения прежде, чем они случатся, — тоже искусство войны.

Когда страна пребывает в мире, уделять должное внимание подбору чиновников и поддерживать государственную службу безопасности — искусство войны. Если чиновники озабочены личной выгодой и угнетают простых людей — это главная опасность для страны и начало ее гибели. Пристально следить за ситуацией и планировать все так, чтобы государство не рухнуло из-за эгоизма чиновников, — все равно что наблюдать за противником в поединке, предвидя каждое его движение. Разве здесь не требуется предельное внимание? Потому-то я и говорю, что боевые искусства — предмет, обладающий колоссальным потенциалом.

А еще вокруг правителей собираются вероломные люди, которые перед начальством прикидываются праведниками, но на подчиненных взирают с алч-

ностью и злобой. Если такому человеку не дать взятку, он выдаст добро за зло, чтобы невинный страдал, а негодай злорадствовал. Заметить признаки этой ситуации еще важнее, чем раскрыть тайный заговор.

Страна принадлежит правителю, и народ принадлежит правителю. Те, кто служат правителю лично, — точно такие же его подданные, как и те, кто служат издалека. Какое значение имеет расстояние? Подданные — словно руки и ноги на службе у правителя. Разве ноги менее дороги, чем руки, лишь из-за того, что они дальше от головы? Они одинаково испытывают боль и одинаково чешутся — разве можно говорить, что одни из них ближе, а другие дальше?

Дзикиси Нинсин, автор Миямото Мусаси

Эта каллиграфическая надпись, сделанная рукой легендарного мечника Миямото Мусаси (1584–1645), гласит: «[Дзэн] направлен прямо в сердце человека».

Поэтому люди будут негодовать даже на достойного уважения правителя, если близкие к нему подданные станут обирать далеких, причиняя страдания невинным.

Лишь немногие близки к правителю — возможно, пять или десять человек. Большинство же людей от него далеки. Когда массы негодуют на правителя, они обязательно когда-нибудь выплеснут свои чувства. Далее, если близкие к правителю люди озабочены лишь собственными интересами и, нимало не думая о своем господине, несут службу таким образом, что народ негодует на власть, тогда в критический момент эти же приближенные первыми и восстанут против правителя.

Но ведь коренной причиной волнений стали деяния близкого окружения, в коих сам правитель неповинен. Поэтому важно отчетливо видеть назревание таких ситуаций и следить за тем, чтобы далекие от власти люди не были обделены благами разумного правления.

То же самое в социальных и профессиональных взаимоотношениях: даже в те времена, когда в группе нет никаких разногласий, внимательно следи за развитием ситуации и действуй с тем же отношением, какое должно быть у воина. Осознанность в наблюдении за динамикой ситуации в светской группе — также искусство войны.

Если ты не видишь динамику ситуации, то рискуешь слишком задержаться в компании, в которой тебе вообще не следовало бы находиться, и получишь лишние хлопоты. Порой человек говорит что-то, не учитывая настроения и мнения окружающих, в результате чего втягивается в скандал или даже расплачивается жизнью — а ведь этого можно было бы избежать, если бы он видел динамику ситуации и позиции участников.

Когда расставляешь мебель в комнате, и то нужно видеть динамику ситуации, чтобы все оказалось на своих местах. Так что даже здесь требуется осознанность, свойственная воинскому искусству.

Хотя я вел речь о совсем разных вещах — основные принципы одинаковые. Те же самые принципы абсолютно применимы и в государственных делах.

Думать, будто искусство войны годится лишь для человекоубийства, — предрассудок. Оно направлено не на убийство людей, но на истребление зла. Стратегический замысел в том, чтобы дать жизнь многим, убив зло в лице одного человека.

То, что написано в этой книге — в трех свитках, — не должно выходить за пределы дома. Но отсюда отнюдь не следует, что Путь является тайной. Тайно происходит лишь передача знания. Если же знание не передается, это равносильно тому, что книги совсем не было бы. Пусть мои потомки поразмыслят над этим как следует.

«Великое Учение»

«Великое Учение» — врата к начальным познаниям. Прежде чем войти в дом, ты проходишь через врата. Таким образом, врата есть признак того, что ты достиг дома. Миновав их, ты вскоре войдешь в покои и встретишься с хозяином.

Учение — врата к обретению Пути. Иными словами, учение — это врата, а не сам дом. Когда видишь врата, не думай, что ты уже в доме. Вначале нужно пройти через врата, и лишь потом ты попадешь в покои, которые находятся внутри — за ними.

Поскольку учение — лишь врата, читая книги, не думай, что они — Путь. Такое заблуждение помешало многим людям постичь Путь — сколь бы усердно они ни учились и сколь бы много мудреных слов ни знали. Пусть даже ты достаточно грамотен, чтобы легко читать писания древних, если тебе не ведомы законы, ты не сможешь полностью усвоить Путь.

Вместе с тем обрести Путь без учения тоже трудно — не легче, чем постичь Путь лишь посредством учености и красноречия. И все же есть люди, которые естественным образом следуют Пути, даже не обучаясь.

«Великое Учение» рассказывает о познании и свершении. Познание означает постижение законов, лежащих в основе всего, что известно людям во всем мире. Свершение означает следующее: когда ты досконально знаешь законы всего — тогда ты знаешь все и можешь сделать все. Когда ты больше ничего не знаешь, то не можешь больше ничего сделать.

Неуверенность во всех вещах — результат незнания. Путаница в голове — результат сомнений. Когда закон понятен, мысли не путаются. Это и называется познание и свершение. И когда путаницы в голове больше нет, любая задача тебе по плечу.

Поэтому практика во всех искусствах направлена на очищение ума от всего лишнего. Вначале ты не знаешь ничего, а значит — как ни парадоксально — в твоём уме нет никаких вопросов, и это тебе очень мешает. В результате тебе сложно делать что бы то ни было.

Но когда твой ум полностью освобождается от усвоенного учения, равно как и от практических навыков, тогда, берясь за любое дело, ты выполняешь правильные действия с лёгкостью, ибо тебя не тормозят размышления об изученном и в то же время ты не отклоняешься от изученного. Именно таким путем постигается наука и искусство войны.

Когда ты изучишь движения меча, боевые стойки и правила фокусировки взгляда — досконально усвоишь и отработаешь на практике все, что только можно, — это дух познания. Затем, когда ты сначала преуспеешь в учении, а затем все изученное уйдет из твоего сознания и ты вновь обретишь простоту, — это дух свершения.

Когда преуспеешь в учении и в практических занятиях, твои руки, ноги и тело будут действовать, совсем не обременяя ум. Тогда ты отстранен от учения, но в то же время не отклоняешься от учения. Чем бы ты ни занимался, твои действия непринужденны.

На этом этапе ты уже и сам не знаешь, куда направлен твой ум; и никто другой не может заглянуть в твоё сердце — ни люди, ни даже демоны Поднебесной. Учение нужно как раз для того, чтобы достичь такого состояния. Когда дойдешь до этого уровня, учение исчезает.

В этом высший смысл и созидательная запредельность всех дзэнских искусств. Забыть об учении, отпустить ум, обрести гармонию без осознания гармонии — вот высшая реализация Пути.

Этот этап достигается с переходом от знания к *не-знанию*.

Настроение и воля

Ум, обладающий жесткой внутренней позицией и интенсивной концентрацией мысли, называется *волей*. Воля зарождается внутри, а то, что проявляется снаружи, называется *настроением*.
